

Список литературы

1. Булдакова В. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов / В. Булдакова. – Режим доступа: www.analitika.org, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Попова И. Ф. Внутренняя и национальная политика КНР/ И. Ф. Попова. – Режим доступа: www.assamblea.kg, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Kymlicka W. Multiculturalism in Asia / W. Kymlicka, B. He. – N.Y. : Oxford University Press, 2005.
4. UN Draft Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (Декларация о правах коренных народов). – Режим доступа: www.iwgia.org, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Режим доступа: www.un.org, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

**ОБРАЗ ЕВНУХА В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ГЕНДЕРНЫЙ СТАТУС И КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ**

Э.А. Саракаева, В.А. Любимова
(Россия, Астрахань)

Данная статья посвящена рассмотрению такой институциональной гендерной девиации, присущей классической китайской культуре, как евнухи. В фокус внимания попадают как традиционное, так и современное художественное прочтение этого образа, а также причины его негативной оценки. В статье последовательно развивается тезис, что отношение общества к данной социальной группе объясняется преимущественно гендерными стереотипами самого общества, а не особенностями или политической ролью евнухов.

This article is devoted to a specific institutional gender deviance inherent in classical Chinese culture – eunuchs. It focuses both on traditional and contemporary artistic interpretation of the image, as well as the reasons for its negative assessment. The article develops the thesis that society's attitude towards this particular social group is mainly due to gender stereotypes of society itself, not the idiosyncrasies or the political role of the eunuchs.

Ключевые слова: гендерные девиации, евнухи, угрожаемые ценности, гендерная идентичность, культурная функция, гендерный статус, маскулинность.

Key words: gender deviance, the eunuchs, threatened values, gender identity, cultural function, gender status, masculinity.

Среди факторов, определяющих гендерный статус человека, важнейшее место принадлежит его биологическому полу и выполняемым им семейным и общественным функциям, которые в данной культуре воспринимаются как мужские или женские. В тех нечастых случаях, когда индивид по собственному выбору или под гнетом обстоятельств принимает на себя несвойственные ему функции и поведенческие стереотипы, происходит уникальное явление – расщепление половой и гендерной идентичностей человека. Такие случаи мы рассматриваем как гендерные девиации.

Китайская история и культура содержат, помимо прочих, своеобразную гендерную девиацию, укорененную в быту и традиции настолько глубоко, что это дает основания говорить о ней как об институционализованной девиации. Это евнухи – скопцы, обслуживавшие императорский двор и дворцы принцев и князей. Претерпев кастрацию, китайские евнухи теряли свойственную им от рождения половую принадлежность, не приобретая никакой иной. Подобным же образом, при взаимодействии с окружающим миром им предписывался особый способ вести и презентовать себя – ни мужской, ни женский. Но даже это превращение в некий искусственный «третий пол» было неполным, так как, не будучи мужчинами в глазах окружающих, евнухи, тем не менее, выполняли иногда сугубо мужские общественные функции, в том числе занимали позиции, связанные с огромной экономической, политической и даже военной властью.

Это создавало глубокую и весьма трагичную двойственность. С одной стороны, как мы уже говорили, евнухи были девиацией институциональной, привычной, даже обязательной, с точки зрения китайского менталитета имперского времени. С другой – их гендерный статус отличался крайней нестабильностью, колеблясь иногда в зависимости от прихотей правящего монарха, в разные исторические отрезки он то приближался к мужскому статусу, то отдалялся от него. Мы утверждаем, что эта неста-

бильность подрывала сам дуализм мужского и женского и превращала мужественность в угрожаемую ценность. А, как известно, именно угрожаемые ценности являются во всякой культуре объектом самой эмоциональной защиты [4, с. 67].

В настоящей работе мы собираемся доказать, что защита мужественности как угрожаемой ценности и гендерное сознание китайского народа в целом, а не реальные исторические деяния придворных кастратов, сформировали тот образ евнуха, который сложился еще до Конфуция и доминирует вплоть до наших дней. Помимо этого, в наши задачи входит определение того, что же нового появилось в данном образе после физического исчезновения евнухов как общественного института, и как эти изменения характеризуют само общество.

Первые сведения об использовании кастратов относятся в Китае к глубочайшей древности. Археологами была обнаружена гадательная кость, датируемая примерно 1300 г. до н. э., на которой богов вопрошают, следует ли оскотить некую группу пленников [9, с. 411]. Позже, при установлении династии Чжоу, был составлен первый свод законов. По нему предусматривалось пять видов наказаний, среди которых была и кастрация [10, с. 146]. Таким образом, мы знаем, что в эпохи Шан-Инь и Чжоу китайцы прибегали к кастрации как к средству наказания преступников или «приручения» пленников. Далее, по мере увеличения и усложнения дворцового хозяйства, оно стало поглощать значительную часть невольничьей рабочей силы. Логично, что правителя, как лицо, чья жизнь имеет для всего государства высокую политическую и сакральную значимость, должны обслуживать самые покорные, лояльные и безопасные рабы. Именно такими, по аналогии с кастрированными животными, считались евнухи. С конца чжоусского периода упоминания о евнухах как домашних слугах князей становятся постоянными. Вместе с тем, изменяются и источники пополнения этой группы. Во-первых, пленников и преступников становится уже недостаточно, во-вторых, их благонадежность оставляла желать лучшего. Поэтому начинается продажа или самопродажа поданных в евнухи.

Общее количество евнухов было очень неодинаковым в разные исторические эпохи. К концу имперского периода при императрице Цыси было от 2 до 3 тысяч евнухов. И даже после падения монархии, в 1922 г., по воспоминаниям последнего императора Пу И, во дворце жило 1137 евнухов. А в период наибольшего расцвета этого института, в конце XV – первой половине XVII в. число евнухов только при дворе колебалось от 10 до 90 тысяч человек [1, с. 16–17].

Обязанности рядовых евнухов распространялись на все стороны быта императора, его семьи и всего дворцового хозяйства. Они должны были заботиться о кухне, одежде, времяпровождении государей и наложниц, они ремонтировали и убирали помещения внутри Запретного города, они играли в императорских театрах и прислуживали на пирхах и аудиенциях. Но помимо обслуживающих функций они выполняли и гораздо более ответственные поручения: «...в их обязанность входило распространение высочайших указов, проводы чиновников на аудиенцию и прием прошений, ознакомление с документами и бумагами различных отделов Департамента двора, получение денег и зерна от казначеев вне дворца...» [3, с. 16–18].

Таким образом, роль евнухов была чрезвычайно широка, в том числе, и в сфере государственного администрирования: они служили инспекторами и проверяющими, в их руках сосредотачивалось практически все делопроизводство главы государства. А ведь речь идет о последних годах династии Цин, решительно и сознательно сократившей как количество евнухов, так и их влияние на государственные дела. А при династии Мин они нередко непосредственно осуществляли политическое управление страной. Так, в XV в. под их контроль попал Ритуальный приказ, в функции которого входило ведение документации и отбор бумаг не только для императора, но и для всех важнейших государственных учреждений. В 1573–1620 гг. при императоре Шэньцзуне фактическим правителем страны был печально известный евнух Вэй Чжунсянь. Его власть и страх перед ним были настолько велики, что его имя даже было табуировано наряду с именем государя. Он контрастировал императорские указы, так что они имели двойную подпись: «Государь и сановник Приказа», в его честь возводили храмы, кумирни, памятные арки [6, с. 29].

После периода засилья евнухов шли периоды, когда императоры предпринимали специальные усилия для ограничения их вмешательства в политическую жизнь страны. Например, минский император Юаньчжан велел выгравировать и вывесить перед дворцом железную табличку: «Евнухам запрещается вмешиваться в правительственные дела. Те, кто попытаются это сделать, подвергнутся смертной казни». Правители династии Цин запретили евнухам покидать Пекин без особого разрешения и очень жестко ограничили их число [10, с. 158]. Окончательно институт евнухов исчез лишь через несколько лет после падения монархии, последний китайский евнух Сунь Яотин умер в 1996 г.

На протяжении всей их долгой истории евнухи упоминались в китайском публицистическом, а позже – как китайском, так и зарубежном научном дискурсе с яркими, эмоционально насыщенными оценочными характеристиками. «Книга песен» в разделе «Оды» утверждает:

«Источник всех несчастий для людей –
Не небеса, а женщины и евнухи.
Равно писклявы голоса и жен,
И тех, кто лишен мужских достоинств» [5, с. 322].

В оригинале строка про голоса евнухов звучит еще пренебрежительнее: женщины и скопцы «блеют одинаковыми голосами». В другом месте «Од» говорится: «Те, кого нельзя ни учить, ни держать в узде – это дворцовые женщины и евнухи».

Характеристика совершенно однозначная: евнухи – необучаемые, неисправимые, недоступные никакому разумному увещанию люди, приносящие только зло, и притом вызывающие отвращение. Голоса евнухов упоминаются довольно часто как писклявые, надтреснутые, очень неприятные. Между тем, научные наблюдения над людьми, перенесшими кастрацию по медицинским показаниям, продемонстрировали, что голос человека, кастрированного в послепубертатный период, меняется очень редко, в допубертатный период – как правило, остается неестественно высоким, но далеко не всегда. Так же необязательны такие последствия, как ожирение и потеря волос на лице и теле [9, с. 406]. Между тем, евнухов всегда описывают и изображают безбородыми, безусыми, склонными к ожирению и, в первую очередь, писклявыми. Мы полагаем, что в данном случае сознание недружелюбно настроенных наблюдателей выделило эти признаки как гендерные маркеры евнуха и присваивает их всякому представителю этой группы, вне зависимости от их фактического наличия или отсутствия. Причина этого в том, что для посторонних людей, особенно для мужчин, очень важно было провести между мужчиной и евнухом четкую демаркационную линию, проходящую не только через физиологические особенности, но и через социальный статус, поведение, моральные и интеллектуальные способности и даже внешний вид.

С незапамятных времен брезгливость и отторжение были нормой в отношении евнухов. Древнего философа Мэн-цзы спросили: «Правда ли, как говорят некоторые, что Конфуций во время пребывания в Вэй жил у лекаря по наружным болезням, а в Ци – у евнуха Ци Хуаня?» Мэн-цзы с негодованием отверг инсинуацию: «Если бы Конфуций останавливался у лекаря или у евнуха..., как он мог оставаться Конфуцием?» [3, с. 324–325]. О той же брезгливости с глубокой горечью пишет и величайший китайский историк Сыма Цянь, сам перенесший кастрацию по обвинению в государственном преступлении и позже ставший высокопоставленным евнухом: «Нет бесчестия большего, чем кастрация. Того, кто подвергся этому наказанию, нигде не считают человеком. Это не только современное отношение, так было всегда. Даже простолюдин чувствует себя оскорбленным, когда ему приходится иметь дело с евнухом, что же говорить о благородном человеке!» [6, с. 10].

Здесь нельзя не почувствовать отторжение почти физическое, основанное не на моральной оценке евнухов как казнокрадов и узурпаторов государственной власти, а в первую очередь – на отношении к ним как к существам гнусным, одновременно жалким и опасным, чья злоба, глупость или жадность являются имманентно присущими качествами, а не результатом жизненного опыта, социального окружения или просто индивидуального личностного склада.

То же отношение к евнухам просуществовало через всю китайскую историю до наших дней. Профессор университета Арканзаса Генри Цай в своей статье «Власть евнухов в имперском Китае» утверждает, что даже сейчас историки Китая либо игнорируют наличие и роль евнухов в исторических событиях, либо оценивают ее всегда однозначно негативно. По его мнению, причина этого – в самой историографической традиции, унаследованной от конфуцианских ученых и чиновников. «Веками, – пишет Цай, – к евнухам относились как к полумужчинам – полуженщинам. Их считали недостойными упоминания. Кроме того, конфуцианские ученые чувствовали, что евнухи своим влиянием на императора угрожают им. Поэтому они возлагали на евнухов ответственность за многие неудачи династий» [6, с. 11].

Публицистические, научные и научно-популярные произведения о китайской истории следуют описанной традиции, неизменно рисуя резко отрицательный карикатурный образ. Когда же речь заходит о человеке безупречной репутации, огромного гражданского мужества и научной эрудиции, отце китайской исторической науки Сыма Цяне, авторы умалчивают о том, что он не только был оскоплен, но и фактически поступил на службу в качестве евнуха-хранителя государственной печати. Ради этого стыдливого умолчания они даже идут на некоторое искажение фактов. Конечно, детские или научно-популярные книги, уже в силу самой своей читательской аудитории, не могут быть слишком сложными и содержать внутренние противоречия в оценке людей и событий. Тем не менее, то, как они говорят, и о чем умалчивают, свидетельствует о глубоко укорененном предубеждении против евнухов как социальной группы и политических акторов.

Здесь уместно задаться вопросом о причинах таких негативных оценок. Потому ли историки и современники писали о евнухах почти или исключительно плохо, что были предубеждены против них, или потому, что евнухи, в самом деле, были исключительно плохи?

На резко негативном отношении к евнухам, как нам представляется, сказываются базовые гендерные стереотипы самих конфуцианцев-хронистов, считавших, что, не будучи полноценными мужчинами в физиологическом плане и отличаясь от мужчин некоторыми своими психологическими особенностями, евнухи не должны были сметь конкурировать с ними в таких мужских видах деятельности, как политика, или претендовать на такие типично мужские достоинства, как рассудительность, мудрость и храбрость.

Наше убеждение в тенденциозности исторического освещения евнухов разделяют и некоторые современные исследователи. Моррис Россabi настаивает на том, что евнухи заслуживают более высокой оценки, так как внесли значительный вклад в накопление географических сведений, в коммерцию, международные отношения и управление империей. В подтверждение своих слов он ссылается на Фан Чаоина, писавшего: «Евнухов, как всегда, обвиняли в злоупотреблениях и нарушениях, тогда как, на самом деле, они лишь выполняли данные им инструкции в качестве агентов императора» [8, с. 432]. Генри Цай утверждает, что пока не появятся менее предубежденные исследования жизни и роли евнухов, наше понимание китайской политической истории останется неполным [6, с. 4].

И все же справедливость требует признать, что упомянутые авторы все еще в меньшинстве. Японский историк Тайсуке Митamura посвятил целую монографию евнухам при китайском дворе. Тем не менее, объект своего исследования он именует «странными созданиями» и «непонятными существами». Очевидно, что такой подход не может помочь ему понять и объяснить своему читателю психологию евнухов. Кроме того, Тайсуке Митamura не анализирует политическую и экономическую деятельность евнухов, по сути дела, ограничиваясь сбором курьезных, оригинальных или анекдотических фактов из их быта [11].

Таким образом, анализ как китайского, так и возникшего на его базе западного научного и публицистического дискурса по отношению к евнухам показал, что с древнейших времен до наших дней в китайском обществе бытовало глубокое предубеждение против евнухов, проявлявшееся в стереотипизации образа евнуха. Данный стереотип включал как внешние и поведенческие черты, невыгодно отличавшие ев-

нуха от мужчины, так и его низкие моральные и интеллектуальные качества. А полное отсутствие попыток объяснить, почему же все евнухи, приближенные к трону, оказались так плохи, указывает на то, что, по мнению носителей исследуемого менталитета, этого и объяснять не надо: евнухи плохи по самой своей сути, они лишены мудрости и благородства вместе с мужеством.

Те ученые, которые признают наличие этого предрассудка, объясняют его конкуренцией за власть между чиновниками и евнухами. Мы считаем это объяснение правильным и релевантным, но недостаточным. Эмоциональность противостояния образованной элиты евнухам объясняется не только тем, что это была борьба за очень ограниченный ресурс (политическую власть), но и тем, что на данный ресурс, с точки зрения конфуцианцев, претендовали люди абсолютно недостойные, лишённые всех необходимых нравственных и умственных квалификаций. Кроме того, участие евнухов в управлении разрушало одно из базовых уравнений народного сознания: «маскулинность = моральные и интеллектуальные достоинства = право на власть». Если существо «третьего пола» может управлять государством и при этом проявлять достаточную волю, разум и бескорыстие, то это лишает маскулинность ее важнейших общественных и моральных атрибутов и низводит ее до физиологического статуса.

Однако, если от научных работ и газетных статей мы обратимся к трактовке образа евнуха средствами современной массовой развлекательной культуры, мы увидим и некую новую тенденцию, альтернативную выше рассмотренной. В большинстве случаев, евнухи, изображенные китайской классической литературой, – люди низкие, жадные, властолюбивые и даже развратные, несмотря на очевидную невозможность этого. Деятельность евнухов в общественной и политической сферах всегда оценивается крайне негативно. Но даже и изображенные в своей интимно-личностной среде, они, как правило, не вызывают у авторов симпатии. Попытка евнуха устроить свою семейную и сексуальную жизнь встретила нас в литературе лишь однажды, да и там подверглась осмеянию. Главное и, пожалуй, единственное достоинство евнуха – верность, будь то государю, государыне или своему покровителю.

После 1922 г. евнухи в Китае исчезли как политический институт и социальная группа, после 1996 г. нет в живых ни одного представителя этого некогда влиятельного института. Но в исторических фильмах их количество довольно велико, а в Интернете появляется все больше сайтов и форумов, посвященных обсуждению евнухов как социальной и гендерной общности.

Проведенный нами контент-анализ китайских костюмных сериалов, в которых действуют персонажи-евнухи, показал любопытную тенденцию: по сравнению с классической литературой появляется значительно больше положительных оценок и авторского сочувствия этим персонажам. В отличие от литературы позднеимперского периода, современная кинематография и положенная в ее основу развлекательная литература очень часто делают кастратов носителями выдающихся воинских способностей. В первую очередь, это касается фильмов о печально известном Восточном дворце – политической полиции минского времени. Восточным дворцом, на самом деле, руководили евнухи, но в анализируемых фильмах они же составляют основную – и почти непобедимую – военную силу этого страшного учреждения («Кровавая баня в Восточном дворце», «Великий пьяный рыцарь» 2000 г., «Чан-буддизм») [4, с. 67].

В сериале «Божественный полководец» евнух-телохранитель всегда сопровождает принцев в путешествии, так как он «один стоит десяти человек». В комедийном сериале «Четыре легендарных художника» единственным бойцом, который может противостоять всемогущему главному евнуху, выступает Сяо Да, личный телохранитель императора и, разумеется, тоже евнух. В «Великом пьяном рыцаре» 2000 г. в качестве самого сильного воина тоже выведен глава Восточного дворца – садистски жестокий и мстительный евнух Чху Тьен Син. Во второй половине фильма его приемный сын Фан Син, сам становится верховным евнухом, свергает императора с престола, заливая всю страну кровью и погибает в схватке с главным героем. Но кроме главного героя никто не может противостоять его исключительному искусству [4, с. 68]. Также заметно возрастает интерес зрительской аудитории (а вместе с тем – и сцена-

ристов) к личной жизни евнухов. Во-первых, многие фильмы показывают их неутраченное горе по поводу утраты мужественности. Так, фильм «Князь Оленьей горы» начинается с горьких сетований старого евнуха на свою искалеченную жизнь. В другом сериале, «Сто пылающих мечей», встречаем эпизод, когда пожилой евнух, возбужденный красотой проститутки, кричит в отчаянии: «Я не мужчина!» и, плача, корчится на полу. В целом, сцена оставляет смешанное чувство отвращения и жалости.

Сериалы «Меченосец-2» и «Меченосец-3» вообще изображают очень насыщенную личную жизнь скопца Дунфан Бубая. Принимая его за прекрасную женщину, к нему проникается любовью главный герой. И хотя в решающий момент воин-кастрат посылает к нему ночью свою наложницу вместо себя, нет сомнения, что чувство героя вызывает ответ у Дунфан Бубая – и ответ достаточно выраженный, чтобы он сражался против героя в полсилы, а потом погиб, пытаясь его спасти. В следующем фильме этой серии, однако, оказывается, что Дунфан Бубай не умер. Любовный конфликт этого фильма завязывается вокруг героини, выбирающей между Дунфан Бубаем и молодым мужчиной. В конце концов она остается с «Непобедимым Востоком», хотя для нее не секрет, что он скопец. Тот же выбор делает героиня новейшего телесериала о знаменитом адмирале-евнухе Чжен Хэ: влюбленная в благородного и изысканного героя девушка решает остаться с ним, даже узнав, что он скопец» [4, с. 66].

Трогательная любовная линия евнуха и его бывшей наложницы введена в сериал «Великий пьяный рыцарь». Наложница главного отрицательного героя Фан Сина сохраняет ему верность, даже когда он становится евнухом, а ее из карьерных соображений вынуждает отправиться в императорский гарем. Затем герои воссоединяются, ссорятся, мирятся, устраивают сцены ревности, тоскуют друг по другу и погибают почти одновременно – их роман пользуется симпатией как авторов фильма, так и зрителей.

Впрочем, было бы ошибкой полагать, что современный китайский менталитет вообще поменял отрицательное отношение к евнухам на сочувственное-положительное. Всякий раз, когда на экран выводится высокопоставленный евнух, он оказывается негодяем и предателем. В «Великом пьяном рыцаре» два главных отрицательных персонажа – оба евнухи, и каждый предал того императора, которому служил. Третий отрицательный герой, тоже евнух, поочередно служил им обоим, и обоим изменил. В «Четырех легендарных художниках» верховный евнух спланировал и осуществил дворцовый переворот, который едва не кончился гибелью государя. В фильме «Пьяница бьет Золотую Веточку» ту же роль исполняет доверенный евнух императора. В фильме «Сто пылающих мечей» заговор осуществляют трое евнухов даже без участия претендента на престол.

Из этого перечня явствует, что и в современной системе воззрений евнухи по-прежнему ассоциируются с коварством, интригой, своекорыстием. Но это там и тогда, когда они выведены как сторона социальных и особенно политических интеракций. Личная жизнь евнухов вызывает у современной аудитории совсем иное восприятие, колеблющееся от жалости до острого интереса. И на передний план в изображении этой личной жизни выступают: 1) мучительные проблемы с созданием и принятием своей новой гендерной идентичности. Подчеркнем: именно гендерной, а не социальной. Ни в одном из рассмотренных источников евнухи не сокрушаются по тому поводу, что из свободных и уважаемых людей они превратились в рабов и парий. Их главная горе – что они перестали быть мужчинами; 2) сексуальное желание, которое не может быть удовлетворено; 3) трудности во взаимоотношениях с противоположным полом. В данном случае мы говорим не о собственно сексуальном, а об эмоциональном компоненте отношений. Герой-евнух, с одной стороны, не может запретить себе любить, как не может запретить и другому человеку влюбиться в себя, с другой стороны, он не может и позволить себе и партнеру слишком сблизиться, так как это сделает его эмоционально уязвимым.

Нетрудно заметить, что этот перечень проблем практически буквально описывает сложности полового созревания у подростков. Поэтому мы полагаем, что молодежная зрительская аудитория именно в силу этой психологической схожести, а также сходной статусной неопределенности, нередко ассоциирует себя с персонажами-евнухами. Созерцание подобных проблем на экране помогает им легче пережить этот

стрессующий период. В пользу данного предположения говорит и обилие ников «евнух» в китайскоязычном Интернете на форумах и блогах. Есть несколько китайских песен, утверждающих: «Я – евнух», или «В каждом из нас есть что-то от евнуха».

Однако, этим культурная функция образа евнуха на рубеже тысячелетий не исчерпывается. Американский культуролог Кавелти, введший в науку понятие «формальной литературы», полагал, в частности, что культурная функция гангстерских книг и кинофильмов состоит в следующем: они дают читателю и зрителю возможность, ассоциируя себя с преступниками, проверить, как далеко они могут и хотят зайти в антисоциальном поведении, но при этом фактически не нарушать законы, не причинять вред себе и согражданам. А, кроме того, поскольку гангстерские саги, как правило, все же кончаются гибелью или наказанием преступников, то они подтверждают и поддерживают убеждение в том, что закон сильнее беззакония, что «честность – лучшая политика», а зло будет побеждено [2, с. 56]. Подобным же образом, проассоциировав себя с экраным евнухом, зритель может, не рискуя собственной репутацией, испытать, в какой мере он согласен отойти от своей гендерной роли и принять на себя иную роль и иной гендерный статус.

И, тем не менее, мы убеждены, что интерес к личной жизни евнухов в современной культуре Китая не размывает, а напротив – консолидирует идеи маскулинности и семьи. Обилие евнухов-бойцов в китайском кинематографе иллюстрирует собою мысль о том, что мужчина – это больше, чем анатомия, что отвага и доблесть мужчины неуничтожимы никакими внешними воздействиями. Повторяющийся сюжет о наложнице евнуха, преданно любящей своего господина, декларирует: любовь – это не только и не столько сексуальные отношения, сколько взаимная верность. Таким образом, китайские кинематографические евнухи реализуют функцию «подтверждения через отрицание»: их, как отдельную человеческую общность, создали физиологические особенности, и они же (во всяком случае, их экранное воплощение) утверждают примат морали над физиологией.

Список литературы

1. Воскресенский Д. Н. Придворные скопцы в истории и литературе Китая / Д. Н. Воскресенский // Книга дворцовых интриг. – М., 2002.
2. Кавелти Р. Изучение литературных формул / Р. Кавелти // Новое литературное обозрение. – М., 1996. – № 22.
3. Пу И. Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая / И. Пу. – М., 1968.
4. Саракаева Э. А. Образ евнуха в китайской культуре / Э. А. Саракаева. – Биробиджан, 2011.
5. Усов В. Н. Евнухи при дворе китайских императоров / В. Н. Усов // Книга дворцовых интриг. – М., 2002.
6. Anderson M. M. Hidden Power: The Palace Eunuchs of Imperial China / M. M. Anderson. – N.-Y., 1990.
7. Cai Henry. Impotent Power: Eunuchs in China / Cai Henry. – Режим доступа: www.newswise.com/articles/view/?id=EUNUCH.UAR, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
8. Rossabi M. Review of “Chinese Eunuchs: The Structure of Intimate Politics” by Taisuke Mitamura / M. Rossabi // The Journal of Asian Studies. – 1971. – February. – Vol. 30, № 2.
9. Spencer R. F. The Cultural Aspects of Eunuchism / R. F. Spencer // Ciba Symposia. – 1946. – October. – Vol. 8, № 7. – P. 406–420.
10. Stent G. C. Chinese Eunuchs / G. C. Stent // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, New Series. – Shanghai, 1877. – № 11.
11. Taisuke Mitamura. Chinese Eunuchs: The Structure of Intimate Politics / Mitamura Taisuke. – Tokyo, 1970.